АЛЬБИНА НУРИ

ПЛАЧУЩИЙ ЛЕС

Альбина Нури

Плачущий лес

Серия «За пределом реальности»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50530926
Плачущий лес: Эксмо;
ISBN 978-5-04-109979-4

Аннотация

Кристина и ее жених Игорь путешествовали по Сербии, но заблудились в горах. Навигатор сломался, сотовый не ловил, да вдобавок кончился бензин. Местный житель посоветовал им заехать в красивый и уютный поселок неподалеку, чтобы отдохнуть, перекусить, заправить машину.

Однако небольшая задержка в пути обернулась настоящим кошмаром. Покинуть милое местечко, окутанное странными и страшными тайнами, оказалось невозможно.

Почему здесь живут одни старики, у каждого из которых есть какое-то увечье? И как со всем этим связан мистический Плачущий лес?

Содержание

Пролог 5
Часть первая 12
Глава первая 12
Глава вторая 26
Глава третья 37
Глава четвертая 46
Часть вторая 58
Глава первая 58
Глава вторая 69
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Альбина Нури
Плачущий лес

Поведай нам, как душу в плен берут Узлы ветвей; поведай, если можно, Выходят ли когда из этих пут.
Данте Алигьери. Божественная комедия

Ничто да не препятствует тебе исполнить обет благовременно, и не откладывай оправдания до смерти.
Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова, 18, 22

Пролог

Ей что-то снилось. Проснувшись, она пыталась вспомнить, что именно, но так и не сумела. Зыбкие, туманные образы кружились в голове, как пестрые летние бабочки, задевали ее своими тонкими крылышками, щекотали, будоражили что-то в воображении. Она чувствовала, что это важно и должно помочь чему-то – чему? – поэтому так и эдак старалась уговорить свою память раскрыть тайну, но ничего не добилась.

Только много позже она вспомнила свой сон. Испугалась, заплакала, хотя плакать было уже поздно. Для всего существует свой срок – и для слез в том числе. К тому времени он давно прошел…

Ее разбудил стук в дверь. Муж спал крепче, поэтому ничего не слышал. Сперва она подумала, что ей показалось, приснилось – что же это был за сон? Должно быть, так и есть: кто станет беспокоить добрых людей во втором часу ночи?

Но стук повторился – теперь он был громче и отчетливее. Она хотела разбудить мужа, но он проснулся сам.

– Кто там колотится? – охрипшим ото сна голосом спросил он.

Вопрос не требовал ответа. Муж спустил ноги с кровати, потянулся за одеждой. Она хотела последовать его примеру, но он не позволил:

– Оставайся тут. Схожу, посмотрю.

Она промолчала. Конечно, надо сходить, что тут говорить?

В дверь снова постучали.

– Иду, иду! – раздраженно крикнул муж, спускаясь по лестнице. Спальня располагалась на втором этаже, и кроме них в доме больше никого не было.

Свекровь умерла две недели назад, и она иногда думала (хотя и старалась гнать от себя грешные, нехорошие мысли), что все сложилось как нельзя лучше.

Умри свекровь раньше, пришлось бы отложить свадьбу из-за похорон и траура. А если бы зажилась подольше, то их семейная жизнь вряд ли стала безоблачной и мирной: очень уж суровой, требовательной была старуха.

К тому же невестка не пришлась ей по душе, вот она и цеплялась постоянно, придиралась к каждой мелочи. Чуть что не по ее воле – сверлила глазами, выговаривала, не подбирая слов помягче, отчитывала молодую жену сына, как будто та совершила тяжкую провинность.

Наверное, свекрови не нравилось, что она не местная: небось, присмотрела для единственного сына другую невесту. Только ничего у нее все равно не вышло бы. Они с мужем (тогда еще будущим) сразу, как увидели друг друга, поняли: вот моя судьба! Против этого не пойдешь, даже если тебе шестьдесят пять, ты сухая, как палка, злая, как оса, и привыкла всеми командовать.

Молодожены занимали угловую комнату с двумя окнами, самую большую во всем доме. Спальня свекрови (пока там все оставалось так, как при ее жизни, все вещи на своих местах) находилась дальше по коридору, ближе к лестнице. А между ними была пустая комната, которой со временем предстояло стать детской. Конечно же, оба хотели детей: сначала – мальчика, после – девочку. Хотя тут уж как бог даст: они будут рады и дочерям, и сыновьям.

Шаги мужа на лестнице стихли – должно быть, спустился на первый этаж. Она приподнялась на локте, прислушалась и поняла, что он отпирает входную дверь.

«Почему не спросил, кто там?» – подумала она.

Но не успела по-настоящему забеспокоиться, как услышала возглас мужа:

– Надо же! Это ты? – кажется, муж назвал чье-то имя, но оно прозвучало неразборчиво. – Ты чего это по ночам шастаешь?

Наверное, кто-то из приятелей решил навестить их в неурочное время. Или соседу не спится. Главное, что муж знает ночного гостя и, судя по всему, не взволнован, не напуган. Видимо, ничего страшного не случилось. Может, перебрал человек, вот и захотелось ему пообщаться.

Окно в спальне было приоткрыто, и она слышала раздающиеся снизу приглушенные голоса. Они журчали, как ручей в жаркий полдень, и вроде бы не было в них никакой тревоги. Она совсем успокоилась и почувствовала, что ее тянет в

сон. Пусть поговорят, подумалось ей, а она поспит.

Закутавшись в простыню, она свернулась калачиком и поплыла в сон. Может быть, когда муж спровадит нежданного гостя и вернется, он разбудит ее и снова будет любить, как почти каждую ночь. При мысли об этом она слегка улыбнулась, по телу прошла сладкая волна.

Они поженились совсем недавно и еще не успели насытиться друг другом. Поначалу утром ей было стыдно даже на себя в зеркало смотреть, не то что поднимать глаза на других. Но постепенно она привыкла и перестала стесняться: они ведь законные супруги, венчанные, а значит, на все, что происходит между мужем и женой (в том числе и за дверью спальни) есть божье благословение.

Сама того не заметив, она заснула и проснулась только утром. Не открывая глаз, протянула руку – хотела обнять мужа. Но рука нащупала лишь пустоту. Она распахнула глаза, словно и не спала. Так и есть – она в постели одна. Простыня и подушка были холодными: не похоже, что любимый только встал и ушел.

Часы показывали шесть утра: они с мужем всегда поднимались в это время безо всякого будильника.

Может, он встал раньше?

Но что-то внутри нее знало: это не так. Муж не встал пораньше – он вообще не ложился. Ушел вниз, а в спальню так и не вернулся.

Надевая халат и нашаривая тапочки, она думала о том,

где он может быть. Возможно, решил лечь внизу, чтобы не будить ее? Нет, вряд ли. Тогда, быть может, они с ночным визитером до сих пор сидят внизу, лясы точат? Достали из кладовки домашнее вино, выпили по бокальчику, да не по одному, вот и…

Внизу никого не оказалось. Гостиная и столовая были пусты.

Входная дверь закрыта, но не заперта, что само по себе странно. Хотя воров здесь никто и не боялся, двери все же на ночь обычно запирали. Муж был человеком аккуратным, даже немного педантичным, и она не могла представить, что могло вынудить его отойти от двери, не повернув ключ в замке, оставив дом, как он говорил, нараспашку.

Где же он, в конце концов? Внутри или где-то снаружи?

Она вышла на крыльцо. Было тихо, тепло и солнечно. Все кругом – деревья в саду, летняя кухня, дорожка, ведущая через двор, цветы в горшках, столик, за которым они обычно пили кофе – казалось ясным, словно умытым розовой зарей. Так окружающий мир выглядит только ранним утром.

Разлитое в воздухе спокойствие, однако, не могло обмануть ее. Тревога нарастала, колотилась в висках, ворочалась в груди тяжелым тугим комом. Она несколько раз окликнула мужа по имени, обошла двор и сад, заглянула во все пристройки, не переставая звать его.

Только мужа нигде не было. Никто ей не ответил.

Выходит, он в доме. Или ушел куда-то с тем, кто заявился

к ним ночью.

Ах, как она жалела, что послушалась мужа и осталась в спальне, да вдобавок еще и заснула! Сейчас не пришлось бы нервничать и гадать, что произошло.

Она вернулась в дом, раздумывая, что делать, если мужа не окажется ни в одной из комнат. Где она станет искать его? К кому обратится за помощью? Она недавно жила здесь, не со всеми еще познакомилась, а уж сблизиться и вовсе ни с кем не успела.

Что скажут люди, если она будет носиться по улицам, стучать в дома соседей и спрашивать, не тут ли ее молодой муж? Наверное, станут смеяться над ней: месяца не прошло, а супруг уже сбежал посреди ночи!

Пусть смеются, решила она и одернула себя: нашла из-за чего беспокоиться! Если людям захочется позубоскалить, ничто им не помешает. Главное, чтобы она в конце концов отыскала мужа.

…Потом, спустя несколько часов – долгих, страшных, до краев наполненных болью, которой уже никогда не суждено было закончиться – она нашла ответ на вопрос о том, кто же приходит беспокоить людей среди ночи.

Беда, вот кто. Беда поднимает с постели, зовет за собой. Для нее нет ни темного времени суток, ни светлого. Ни подходящих часов, ни неурочных. Ни хороших людей, ни плохих. Это беда разбудила ее любимого мужа, взяла за руку и отвела в темноту, откуда ему не суждено было вернуться.

А еще через некоторое время она поняла и еще одну вещь, гораздо более важную.

Очень часто все вокруг не то, каким кажется. Совсем не такое, как мы думаем. Вещи, люди, события чаще всего скрывают свою истинную сущность, не стремясь ее обнажить. Прячут правду за внешним обликом – лживым, неверным.

Рано или поздно все, конечно, открывается, и тогда ты видишь настоящее положение вещей. Но, как правило, бывает уже слишком поздно, чтобы попытаться что-то изменить. Избежать чего-то. Или хотя бы обрести силы, чтобы подготовить какую-то защиту.

Часть первая

Глава первая

Мария зашла в магазин за бутылкой воды, упаковкой любимого печенья и жвачкой. Когда она нервничала и пыталась успокоиться, жвачка выручала лучше любых таблеток.

Жара стояла страшная – сейчас только одиннадцать, а уже сорок в тени. Открыв холодильник, девушка достала минералку. Может, еще одну взять? Но она скоро станет горячей, пить будет противно. Лучше позже заехать еще в какую-то лавку и купить холодную.

Прижимая к себе ледяную бутылку, она направилась к кассе. Народу в магазинчике было немного: парнишка возле прилавка с выпечкой да старуха, которая стояла на кассе и выкладывала продукты на ленту.

«Не успела», – с досадой подумала Мария. Кассирша наверняка провозится целый час: вон сколько всего в тележке. Хотя, с другой стороны, торопиться смысла нет. Спешить некуда.

Кассирша, немолодая, обильно накрашенная женщина, попыталась завязать разговор с покупательницей, но старуха как воды в рот набрала. И как ей не жарко в платке и кофте с длинным рукавом? Хотя, наверное, с годами кровь стано-

вится стылой, не греет, не бурлит, разгоняясь по венам, не бьет в голову, как шампанское, не румянит щеки. Течет вяло, сонно, потому старики всегда мерзнут и надевают на себя кучу одежды.

Хорошо, хоть кондиционер работает, в магазинчике прохладно. Мария хотела зайти в кафе перекусить, но передумала: там, куда она заглянула, была жарища, а за столиком на улице еще хуже. Пару часов назад она выпила кофе в кофейне в Прокупле – ей попалось отличное местечко, и кофе там варили превосходный. Стоило и позавтракать, но аппетита не было. Ладно, обойдемся печеньем.

Старуха тем временем протянула кассирше купюры. Ее покупки уже были разложены по пакетам, и Мария подумала: как женщина потащит их – тяжесть-то какая!

Однако старуха, видимо, была жилистая и крепкая: она без видимых усилий подхватила свои покупки и зашагала к выходу.

– У меня от нее мороз по коже. Странная, нелюдимая, – вполголоса обронила кассирша, проводив покупательницу недовольным взглядом.

Мария улыбнулась и пожала плечами, не зная, что ответить. Кассирша быстро пробила чек и назвала сумму.

Выйдя на улицу, Мария почувствовала себя так, словно ее окунули в кипяток: воздух был пылающим, обжигающим. На небе – ни облачка. Солнце прилежно палило с небес, выжигая все кругом.

Девушка двинулась к темно-синему старенькому «Фольксвагену», припаркованному возле тротуара, злясь на себя, что не подумала поставить машину в тень: сейчас салон будет напоминать раскаленную духовку. Она быстро отвинтила крышку с бутылки, сделала несколько жадных глотков. Вода была такая ледяная, что заломило зубы.

В нескольких метрах от автомобиля виднелась автобусная остановка, а на ней, под крышей из прозрачного пластика, – старуха из магазина. Стояла на самом солнцепеке, с надеждой высматривая автобус. Пакеты притулились тут же, на скамейке.

Пару секунд Мария боролась с собой. И что ей вечно неймется? Своих проблем достаточно, а она опять готова решать чужие. Кто ей эта старуха? Какое дело до того, скоро ли та дождется автобуса?

Но смотреть на пожилую женщину в нелепой теплой кофте было больно. Не дай бог солнечный удар хватит! Мария представила, как автобус приезжает, старуха суетится, подхватывает свои пакеты, тащит их к дверям, силится вскарабкаться на высокие ступени… А потом, когда автобус привозит ее на нужную остановку, ей приходится с таким же трудом выходить, тащить тяжелые сумки до дому. Да и близко ли дом? Вполне возможно, до него пешком идти и идти, хорошо еще, если не в гору.

Мария открыла дверцу машины – пусть внутри хоть проветрится немного (хотя как проветрится, если ветра нет?) –

и пошла к остановке. Старуха смотрела в другую сторону и не видела направляющуюся к ней девушку, но почему-то казалось, что она ждет, когда Мария подойдет и заговорит.

– Добрый день, – поздоровалась та.

Старуха обернулась и посмотрела на нее. Мария с удивлением осознала, что она не так стара, как ей показалось: вряд ли этой женщине больше шестидесяти. Глаза яркие, темные, как маслины, а взгляд живой и цепкий.

– Здравствуй, – ответила она. Не улыбалась, но смотрела доброжелательно, даже заинтересованно, вроде бы ожидая чего-то. Как будто понимала, зачем Мария к ней подошла.

– Я видела вас в магазине. У вас пакеты тяжелые. Далеко ехать? Автобус, наверное, не часто ходит.

Взгляд пожилой женщины потеплел.

– Пожалела старуху? – спросила она.

Марии вдруг стало неловко, и, смутившись, она довольно резко ответила:

– Подумала, что могу подвезти вас, если нам окажется по пути.

На самом деле она не думала, по пути ли им, собиралась отвезти старуху до дому в любом случае, и женщина, кажется, догадалась об этом.

– Добрая девочка, – проговорила она и внезапно улыбнулась. Улыбка у нее была светлая, даже немного детская. Располагающая. – Я Сара. А тебя как зовут?

Мария назвалась и улыбнулась в ответ.

– Так куда вас подбросить?

– Спасибо, милая, – ответила Сара. – Я покажу дорогу. Может, и вправду нам окажется по пути.

Эти слова, вроде бы простые, прозвучали странно, словно в них содержался некий подтекст.

Мария подхватила пакеты, загрузила их в багажник. Когда захлопывала крышку, увидела, что Сара уже устроилась на пассажирском сиденье и смотрится там на редкость… уместно. Как будто она престарелая тетушка или добрая знакомая и имеет законное право сидеть в машине Марии.

Обойдя машину, девушка села за руль. Было жарко, но все же терпимо. Она завела мотор и открыла окна.

– Кондиционера нет, – извиняющимся тоном проговорила Мария. – Сейчас поедем, попрохладнее станет.

Сара улыбнулась и похлопала ее по руке. Этот одобрительный жест показался неожиданно приятным.

– Куда ехать?

– Пока прямо. Выезжай потихоньку из города.

Много времени на это не понадобилось: Куршумлия – городок небольшой, живут здесь немногим больше десяти тысяч человек, и, как большинство сербских городов, очень древний. Проезжая по его улочкам, Мария по привычке – как всегда, когда попадала в подобные города и поселки – думала о том, сколько повидали за минувшие века здешние места. В этом была особая магия – магия истории, древности, утекающего безвозвратно времени.

Греки, кельты, фракийцы, римляне ступали на эту землю, смотрели на воды реки Топлице, вдыхали чистый сухой воздух, строили дома и крепости. Здесь звучали их голоса и смех. На месте Куршумлии стоял когда-то римский город Ad Fines, что в переводе означает «на краю».

Марии и впрямь казалось, что она находится где-то на краю – страны, всего мира, своей жизни. Она едва слышно вздохнула, прогоняя непрошеные грустные мысли.

– Ты туристка? – спросила Сара и поспешно прибавила: – Теперь налево и дальше прямо примерно десять километров до Избора. Наверное, на Джаволя Варош посмотреть приехала? Или в Баню? Многие ездят.

Конечно, только так она и могла подумать. Зачем еще сюда приезжать, если не в одну из знаменитых сербских Бань – бальнеологических курортов (тут как раз поблизости есть Пролом-Баня и Куршумлийска Баня) или не на экскурсию во всемирно известный Город Дьявола, что примерно в трех десятках километров от Куршумлии?

В Джаволя Варош Мария уже бывала, и это место заворожило ее. Шутка ли – над мертвым ручьем, по берегам которого не растут растения, а в воде не водится никакой живности, возвышаются двести два каменных столба высотой до пятнадцати метров, на вершинах у многих – черные валуны, стокилограммовые каменные блоки. Человек тут ни при чем, чудо создано природой – ветрами, дождем, перепадом температур. Каменные монолиты словно живые: они растут

и уменьшаются, рушатся, снова возникают…

Но сейчас Марии было не до экскурсий.

– Нет, я приехала по работе, – ответила девушка, и это было правдой лишь наполовину. За работу ведь платят, а ей никто пока платить не собирался. Да и вообще не понятно, получится ли из ее поездки что-то путное и зачем ехать в такую даль, когда…

– Откуда ты родом, милая? Где живешь? Кто твои родители? – новые вопросы прервали ее размышления.

Сара подняла руки к голове и сняла платок. В машине было уже не так жарко, вполне терпимо. Но все равно Мария не представляла себе, как можно в такой зной носить что-то, кроме легкого сарафана или футболки с шортами. На ней самой было бледно-розовое платье без рукавов.

– Я из Белграда, – ответила Мария. – Всю жизнь там живу. Отец умер, когда мне было два года. Мама тоже ушла. В прошлом году.

– Бедное дитя. Должно быть, нелегко тебе справляться со всем одной.

Сара смотрела на Марию, и та обернулась, чтобы поблагодарить за сочувствие и сказать, что давно привыкла рассчитывать только на саму себя, но осеклась, не успев и рта раскрыть.

На ее спутнице больше не было платка, и оказалось, что волосы ее, не тронутые краской, не имеют ни малейших признаков седины. Они были густые и темные, блестящие, как у

совсем молодой женщины. В сочетании с морщинами и прочими явными приметами пожилого возраста это выглядело весьма необычно.

Но больше всего Марию поразило другое. Волосы Сары были гладко зачесаны назад, обнажая уши. Вернее, ухо, потому что оно было только одно. На месте второго виднелась дыра, а вокруг – бугристая, покрытая рубцами, словно изуродованная ожогом, кожа.

Пару секунд Мария молча глазела на все это, потом, сообразив, что ее взгляд почти неприличен, отвела глаза и снова стала смотреть на дорогу, позабыв, что собиралась сказать.

– Извини. Вот потому я и ношу платок, когда иду в город. Чтобы никого не пугать понапрасну.

Они проехали указатель, на котором было написано «Избор». Заезжать в село не стали, проехали мимо. Сара махнула рукой, показывая, куда нужно свернуть.

Марии стало совестно, она обругала себя за то, что не сумела скрыть эмоций: жалости, смешанной с отвращением, за которое тоже было стыдно. И почему чужое увечье так часто вызывает у людей брезгливость?

– Это вы меня простите. Я просто от неожиданности так на вас уставилась. – Она потянулась за бутылкой и сделала глоток воды. – Что с вами произошло? Несчастный случай?

– Можно и так сказать. Если хочешь, я надену платок.

– Нет-нет, что вы! – запротестовала Мария, все сильнее кляня себя за неделикатность и соображая, как бы половчее

перевести разговор на другую тему.

Сара пришла на выручку, задав новый вопрос:

– Кем же ты работаешь? Сейчас увидишь перекресток, сверни налево, а дальше будем все время ехать прямо.

Дорога уводила все дальше в горы. У Марии, равнинной жительницы, на большой высоте всегда с непривычки кружилась голова и закладывало уши.

– Я журналистка, – ответила она. – Хочу написать статью.

– Значит, за статьей приехала, – словно бы и не удивившись, протянула Сара. – О чем же тебе поручили написать?

– Это не задание редакции, а мое собственное желание. Никто меня сюда не отправлял, ничего не поручал и, похоже, зря я приехала, – неожиданно для себя разоткровенничалась Мария. Малознакомым людям вообще легче говорить правду.

– Не говори так. Раз приехала, значит, точно не зря.

И снова, уже во второй раз, слова были дежурные, обычные, а фраза прозвучала значительно, весомо.

– Меня уволили две недели назад, – сказала Мария. – Я после университета шесть лет проработала в этой дрянной газетенке, а меня взяли и вышвырнули!

Она почувствовала, как на глаза навернулись слезы. Воспоминание о пережитом унижении еще не успело поблекнуть. Когда стало ясно, что кого-то из корреспондентов придется сократить, у этой сволочи главреда и мысли не возникло о другой кандидатуре! Выбор сразу же пал на Марию.

Да, она не создала ни одного сенсационного материала – так и никто другой в редакции такого не написал! Обычная рутина: новости, реклама, некрологи – никаких громких дел. Гением журналистики Мария, может, и не стала, но был ли среди ее коллег тот, кто писал лучше, ярче? Разумеется, нет!

Все были примерно равны по уровню профессионализма и одаренности, но все же у Марии имелось слабое место. Она была уязвима, потому что имела наглость родить дочь, а потому стала часто отпрашиваться, уходить на больничный, вот ее и вытурили.

– У тебя, наверное, трудности с деньгами? – сочувственно спросила Сара, и, хотя вопрос был из разряда личных, это не казалось бестактным.

– Нет, пока все в порядке. Мне выплатили, что положено. И Стефан нам помогает, старается обеспечивать.

– Это твой муж?

– Мы официально не женаты, – озвучила Мария свой стандартный ответ на этот вопрос.

И снова полуправда, снова она юлит, умалчивает, недоговаривает. Даже сейчас, когда некому уличить ее во лжи, Мария не могла соврать. Но и сказать всю правду не решалась: духу не хватало.

Дорога становилась все ***у***же, с одной стороны на нее наступали горы, с другой был лес. Мария вспомнила, что давно уже не видела ни одного указателя с наименованием населенного пункта – какого, кстати? Сара так и не сказала, где

живет. Только говорила, куда повернуть и по какой дороге ехать.

– Как называется ваш поселок?

– Поле Купине.

– Кажется, не встречалось такого названия на указателях.

– Его трудно найти, если не знаешь, где искать.

Теперь они ехали по лесу, карабкаясь все выше в гору. Двигатель ревел, и Мария стала опасаться, как бы он не перегрелся. Не хватало еще застрять в этой глуши! Ей захотелось побыстрее доставить Сару домой и вернуться обратно в цивилизацию.

Сколько они проехали? Километров двадцать пять, не меньше. А то и все тридцать. Хорошо, хоть залила в Куршумлии полный бак. Опасения, найдет ли обратную дорогу, она отбросила: просто будет ехать вниз, под гору, пока не доедет до того перекрестка, где свернула налево. От него, кажется, не очень далеко до Избора, который есть на карте.

– Жалеешь уже, что взялась подвезти меня? Не думала, что в такую даль заедем? – проницательно спросила Сара, и Мария смутилась.

– Что вы, все хорошо! Просто… если бы не я, как вы попали бы домой? Автобус сюда вряд ли ходит.

– Только до Избора. Дальше пришлось бы ловить попутку.

Мария кивнула, отметив про себя, что навстречу им попались всего несколько машин и, кажется, ни одна не обогнала. А уж с того момента, как свернули на перекрестке, они и

вовсе ехали по пустой дороге.

– Повезло мне с тобой, милая. Ты не бойся, я заплачу. – И, не успела Мария возразить, спросила: – Ты так и не сказала, про что хотела написать в своей статье?

Поколебавшись, Мария ответила:

– По некоторым сведениям, где-то в этих горах есть уникальное место – такое же необычное, как Город Дьявола, только мало кому известное. Информации о нем мало, все больше слухи и домыслы. Ни на одной карте его нет, однако в некоторых старинных книгах есть упоминания, причем различные источники называют разные варианты местоположения. В Ирландии, например, или в Румынии, а то и вообще где-то в Южной Америке. Путешественники, историки, географы в разные времена пытались найти это место, но ни у кого не вышло. В итоге стали думать, что его и вовсе не существует, это легенда, сказка. Или, может, оно существовало в старину, а потом по каким-то причинам пропало.

– Почему же ты решила, что у тебя получится его найти? Что это место вообще есть на белом свете?

– Подруга моей бабушки написала ей о нем в письме. Я нашла обрывок того письма, когда разбирала мамины вещи. Так вот, та женщина писала, что приехала к своей сестре в Куршумлию и во время одной из поездок по окрестностям увидела его. Письмо, как я и сказала, сохранилось не целиком, но ведь есть точное указание города! Зачем той женщине врать и выдумывать? Она, похоже, понятия не имела, что

именно увидела, и просто поделилась своими ощущениями с приятельницей. Так что я ей верю. Вот и решила поехать сюда, – разобраться на месте, поспрашивать местных.

– И как? Выяснила что-нибудь?

Мария ехала, вцепившись в руль. Когда уже кончится этот лес? Деревья нависали над дорогой, как шатер. Даже зной тут уже не чувствовался, и, хотя недавно минул полдень, царил полумрак.

– Ничего. Никто ничего не знает, – вздохнула Мария. – Отвезу вас и поеду обратно не солоно хлебавши.

– А ты, выходит, хотела всех удивить, доказать, что зря они тебя выгнали?

Произнесенные вслух, ее заветные чаяния показались смешными и нелепыми. Стать первооткрывателем, появляться на всяких телешоу, видеть свое фото на первых полосах газет… Боже, какая глупость!

Мария промолчала. В этот момент дорога сделала резкий зигзаг, и они выехали на открытую местность. Сразу все вернулось – солнечный свет, июльская жара. Похоже, они уже были на вершине горы, и проехав чуть дальше, Мария увидела внизу, в небольшой долине, живописный поселок.

– Как красиво! Это Поле Купине?

Почему поселок назывался Поле Купине – Ежевичная Поляна – становилось понятно сразу. Указателя никакого не было, но зато с правой стороны тянулись казавшиеся бескрайними ряды ежевики. Ягода уже поспевала: скоро ежеви-

ку станут собирать, варить из нее варенье, делать сок, который так приятно пить в жаркий день.

Сара кивнула, пристально глядя на Марию.

– А как называется то место, которое ты ищешь, милая?

– Разве я не сказала? Плачущий лес.

Глава вторая

Окно комнаты, в которой Сара поселила Марию, выходило в сад. Там тоже росла ежевика, но совсем немного, а еще груши, абрикосы, яблоки; красовались аккуратные грядки с овощами, на которых зрели помидоры, огурцы, капуста и морковь.

Мирная обыденная картина. Никак не подумаешь, что буквально в нескольких километрах отсюда – мистический, зловещий Плачущий лес.

Если, конечно, он и вправду там есть. Пойти и посмотреть сразу же не получилось. Не успела Мария прийти в себя от изумления, услышав, что место, которое она искала и в существование которого почти перестала верить, здесь под боком, как к машине подбежала взволнованная женщина.

Покосившись на Марию, она чуть не волоком вытащила Сару из автомобиля и зашептала что-то ей на ухо. Сара озабоченно нахмурила брови, а потом похлопала женщину по плечу уже знакомым Марии успокаивающим жестом. После этого женщина поспешно удалилась, а Сара повернулась к Марии и проговорила:

– Прости, милая. Сегодня не смогу сходить с тобой к Плачущему лесу. Одна ты не найдешь, объяснить сложно. Видишь, Драгица, – Сара указала подбородком в ту сторону, куда ушла женщина, – просила помочь. Муж ее соседки поза-

вчера помер, завтра похороны. Проблемы кое-какие появились, не буду тебя подробностями утомлять. Придется мне сейчас туда пойти. Отказать нельзя, сама понимаешь.

Мария кивнула, мол, понимаю.

– Мы живем обособленно, держимся один за другого, выручаем, если придется. Все друг другу, считай, почти родственники. Сегодня им нужна помощь, завтра мне. – На лицо ее набежала тень, как будто Саре вспомнилось что-то печальное. – Ты ведь сможешь задержаться на один день? Переночуешь у меня, отдохнешь. Фруктов поешь, ежевики. У меня самая вкусная растет… Хотя это тебе тут любой про свою ягоду скажет, – Сара улыбнулась.

Если честно, такая задержка была некстати: хотелось, конечно, сразу проверить, не ошибается ли Сара. Чем быстрее все выяснится, тем лучше. Но как тут станешь диктовать свои условия?

С другой стороны, один день ничего не решает, а если удастся и вправду обнаружить в сербских горах Плачущий лес, это будет настоявшая сенсация. Милана тогда точно не будет дуться, что Мария задержалась: победителей не судят!

– Ну, согласна? – Марии показалось, что в голосе Сары появились нетерпеливые нотки. Наверное, ей некогда.

– Если я вас не очень стесню, – ответила девушка. – Спасибо.

– Это тебе спасибо – довезла до дому, а ведь могла и мимо пройти.

А ведь и правда! Не сделай она доброе дело, не помоги старухе, точно ничего бы не нашла, вернулась в Белград с пустыми руками.

– Только мне нужно позвонить, предупредить, что задержусь еще на день.

Сара погрустнела.

– Со связью тут беда.

Мария быстро прикинула: сегодня четвертый день, как она уехала из Белграда. Три дня прошли в бесплодных поисках, и как раз перед тем, как встретить Сару, она собиралась садиться в машину и ехать домой. Двоюродной сестре, которая согласилась присмотреть за дочкой, она сказала, что поездка продлится не дольше пяти дней, значит, завтра Мария, кровь из носу, но должна вернуться. Так ведь она и вернется: завтра станет ясно, обнаружила она Плачущий лес или Сара принимает за него обычный сухостой.

Все в общем-то складывалось удачно. В названное время Мария уложится: отсюда до Белграда – примерно шесть часов езды. Правда, она уже сказала сестре, что, скорее всего, вернется сегодня вечером, но, слава богу, не обещала этого наверняка, так что Милана не станет особо беспокоиться.

– Ничего страшного, – сказала Мария. – Завтра буду дома.

– Вот и славно.

Мария помогла Саре занести пакеты в дом, и та показала ей комнату на втором этаже, которой предстояло на сегодняшний вечер стать ее пристанищем.

Сам дом оказался не совсем таким, как ожидала увидеть Мария. Пожалуй, он был более современным, стильным, обставленным добротной дорогой мебелью. Уютные кресла, светлые шторы, стеклянные столики, разноцветная плитка на кухне – и никаких вышивок на стенах, старомодных шкафов и диванов-мастодонтов. В доме, похоже, не так давно был сделан хороший ремонт, а количеству кухонных агрегатов и всевозможных приспособлений для облечения труда домохозяйки наверняка позавидовала бы Милана, помешанная на подобных вещах.

– У вас очень красивый дом. Вы живете одна? – поинтересовалась Мария, поднимаясь по лестнице.

– Да, – коротко ответила Сара, очевидно, не желая вдаваться в подробности.

Возможно, эта тема была для нее болезненной. Мария не увидела нигде ни одной фотографии, ни единого намека на то, что в этом доме бывает кто-то, кроме хозяйки, и что у Сары вообще есть родственники.

– Здесь тебе будет удобно, – сказала Сара, открывая дверь в просторную комнату с большой кроватью, парой кресел и стенным шкафом. Ставни были закрыты, преграждая путь солнечным лучам, так что здесь царил прохладный сумрак.

– Моя спальня по соседству. Ванная комната есть и на этом этаже, и внизу. Ужинать будем в семь часов, когда жара начнет спадать. Ты не против?

– Отлично.

– Я приготовлю для нас что-нибудь вкусное. Но ты, наверное, хочешь перекусить? – При этих словах Мария почувствовала, как в животе заурчало: она ведь ничего не ела сегодня, даже купленное в Куршумлии печенье не успела съесть. – Чувствуй себя как дома, милая. В холодильнике полно еды. Можешь сварить себе кофе, на кухне найдешь все необходимое. Располагайся. А мне, прости, уже нужно спешить.

– Я могу вам чем-то помочь?

Сара, которая уже выходила в коридор, оглянулась и посмотрела на Марию. Девушке показалось, будто она сейчас что-то скажет. Губы женщины дрогнули, во взгляде появилась неуверенность, словно она сомневалась, говорить или нет. Но в итоге Сара промолчала и отрицательно покачала головой: нет.

На нет и суда нет. Мария поставила сумку в шкаф, решив, что раскладывать вещи нет смысла: все равно завтра уезжать. Единственное, что она сделала, – положила на полку косметику и гигиенические принадлежности.

Дверь внизу хлопнула: Сара ушла помогать с похоронами.

Мария пошла в ванную, умылась, а после спустилась в кухню. Неловко было шарить по чужим шкафам, но ведь Сара ей разрешила. В холодильнике нашлись молодой сыр и павлака. Мария сварила себе кофе в старинной потускневшей турке, отрезала кусок свежеиспеченного хлеба (печенье проиграло в конкурентной борьбе). Дома, в Белграде, Мария

обычно покупала хлеб в «Пекаре Йовановича», что была на углу соседнего дома, и считала, что выпечка там вкуснейшая. Но ни в какое сравнение с хлебом, испеченным Сарой, она не шла. Сама того не заметив, Мария умяла несколько ломтей, намазывая их павлакой и вареньем – разумеется, ежевичным.

Это был самый настоящий пир, праздник живота. Мария словно приехала в гости к бабушке (которой, кстати, никогда не знала). Но ведь именно так и должны угощаться внуки в домах бабушек и дедушек: свежие молочные продукты, ароматное густое варенье, домашний хлеб.

Прибравшись на кухне, Мария почувствовала, что ее тянет в сон. Часы показывали половину третьего. Она решила вздремнуть часок – почему нет? Поднялась в свою комнату, растянулась на кровати и… в результате проспала до шести вечера.

Ничего себе! Мария уже и забыла, когда спала днем – да еще так долго. Чувствовала она себя свежей и отдохнувшей, а на душе было легко и спокойно. Такого Мария не испытывала уже давно: ее постоянно что-то грызло, тревожило, мучало. А теперь словно все проблемы отступили – со Стефаном, который обманул, воспользовавшись ее доверием и любовью; с дочкой, которая часто болела и не желала ходить в детский сад и играть там с другими детьми; с незадавшейся карьерой.

Впрочем, если завтра она обнаружит в здешнем захолу-

стье Плачущий лес, то карьера как раз таки окажется на взлете. При мысли об этом Мария совсем воспряла духом.

Выйдя из комнаты, она прислушалась: в доме было тихо. Похоже, Сара еще не вернулась от соседей. Что ж, наверняка она не будет против, если Мария прогуляется по саду. Вид из окна так и манил.

Девушка аккуратно притворила за собой дверь, прошла через двор и оказалась в саду. Сорвала с ветки абрикос – спелый, душистый. Вроде и есть не хочется, а как удержаться, когда он прямо на тебя смотрит?

Вот бы Куклу сюда (так Мария часто называла дочку)! Ей бы тут понравилось: тихо, красиво, большой просторный сад, вкусные фрукты. Было бы здорово отправлять ее на лето из пыльного, шумного, раскаленного зноем города. Но такой возможности нет.

Мария многого не могла себе позволить и постоянно мучилась угрызениями совести. Денег на то, что хотелось приобрести, вечно не хватало, а просить у Стефана мешала гордость. К тому же уделять дочери достаточно времени не получалось, а ведь Кукле требовалось повышенное внимание.

Она росла немного странной, чересчур погруженной в себя, не похожей на других детей ее возраста. Была слишком серьезной, молчаливой, замкнутой. «С характером», как говорила Милана.

Вот с Миланой они ладили неплохо, да еще с Филипом, ее сыном – они с Куклой были ровесниками, обоим недав-

но исполнилось шесть. Узнав, что маме придется уехать на несколько дней, а она останется с тетей и братом, дочь не огорчилась, а, наоборот, даже обрадовалась. Скучает ли она по матери? Мария часто не могла понять, что творится у нее в душе, о чем она думает.

Когда Мария уезжала, Кукла подошла к ней попрощаться и, в своей сдержанной манере, коротко обняла мать за шею, позволила поцеловать себя, а потом сделала то, чего Мария никак не ожидала: вручила ей подарок – большого плюшевого оранжево-коричневого медвежонка по имени Винни.

Мария удивилась такой щедрости, но не подала виду. Она знала, как дочка обожает эту игрушку: везде таскает с собой, отказывается ложиться в постель и засыпать без своего плюшевого приятеля. Один глаз у Винни отвалился и потерялся, найти его не сумели, и девочка рыдала так горько, что у Марии разрывалось сердце.

«Он не видит! Ему больно!» – заливалась слезами малышка. Мария обежала полгорода, чтобы купить пуговицу, которая формой и цветом немного напоминала глаз медвежонка, и только после того, как ее пришили, дочка немного успокоилась.

Девочка так сильно привязана к игрушке, потому что ей недостает общества матери – не нужно быть психологом, чтобы понять это. Мария в который раз пообещала себе больше заниматься с ребенком, читать дочке по вечерам, гулять с ней в парке, а в сентябре съездить к морю.

Если все получится так, как Мария надеялась, то деньги на это у нее будут. Да и на хорошую работу она сможет устроиться. Мысли снова вернулись к Плачущему лесу. По всему выходило, что ее дальнейшая жизнь сейчас зависела от этого загадочного, проклятого места.

Мария сорвала с дерева грушу, но та оказалась твердой, как камень: видимо, не поспела еще, поздний осенний сорт. Она огляделась по сторонам, думая, нет ли где компостной ямы, и только тогда заметила пожилого мужчину в соседнем саду.

Старик в низко надвинутой на глаза соломенной шляпе сидел на деревянном стуле вполоборота к Марии под старой раскидистой яблоней. Наверное, видел, как она бродит по саду, и ждал, когда подойдет и поздоровается с ним.

Девушка бросила грушу на землю и подошла ближе к забору.

– Добрый вечер, – сказала она, но ответа не получила.

Возможно, старик туговат на ухо, решила Мария, и поздоровалась еще раз, повысив голос, даже рукой в знак приветствия помахала. Однако ответа снова не получила.

Мария почувствовала себя глупо. Что делать – развернуться и уйти? Попробовать еще раз? Пока она терзалась сомнениями, старик вдруг «ожил»: повернул голову и уставился на девушку. Глаза у него были воспаленные, обведенные красными полукружьями. Кожа мешком свисала с шеи, как у индюка.

Девушка неуверенно улыбнулась.

Старик промычал что-то нечленораздельное.

– Простите, я не…

Старик встал со своей скамеечки и замахал руками, продолжая мычать. Рот его приоткрылся, лицо пошло уродливыми багровыми пятнами.

«Он, наверное, сумасшедший!» – смятенно подумала Мария, отступая назад.

Старик стоял на месте, не делая попытки приблизиться, все так же клокоча и всплескивая руками. Кажется, он пытался показать на что-то.

– Простите, – опять проговорила Мария, пятясь вглубь сада. – Я не хотела вас беспокоить!

– Не бойся, милая! – раздалось за спиной, и она едва не завопила от неожиданности. – Ох, я тебя, кажется еще сильнее напугала.

Мария обернулась и лицом к лицу столкнулась с Сарой.

– Я так и думала, что ты по саду гуляешь. Это всего лишь Александр. Он немой. Не нужно бояться, он безобидный.

Тем временем Александр, будто выключившись, как игрушка, у которой кончился завод, снова уселся на свой стул, позабыв про Марию. Не обращая на женщин в соседнем саду никакого внимания, он опять погрузился в оцепенение.

Сердце Марии бешено колотилось. Она и сама не могла понять, почему несчастный немой старик нагнал на нее такого страху.

– Идем, милая. Ужин скоро будет готов.
Сара обняла девушку за плечи и увела в дом.

Глава третья

Ужин был великолепен. Сара прекрасно готовила, она была отличной хозяйкой. Рядом с такой женщиной виделся муж, дети, внуки, но второй раз спрашивать, почему она живет в одиночестве, Мария не решилась.

На столе поочередно появились чорба из ягненка, которую в семье Марии ели только по праздникам, жареная свинина с острым соусом, фаршированные помидоры. А какой был айвар! Никогда Мария не пробовала подобного и не уставала нахваливать кулинарное мастерство Сары.

В самом конце трапезы радушная хозяйка выставила на стол бурек с мясом, и Мария, уверенная, что в нее не влезет больше ни крошки, съела большой кусок.

– Мне так здесь нравится, – призналась она. – С удовольствием пожила бы у вас!

– Кто знает, может, и поживешь, – ответила Сара, и в ее словах Марии почудилась не то скрытая усмешка, не то затаенная грусть. – Рада, что тебе хорошо в моем доме. Гостей я люблю, только вот они у меня нечасто бывают.

Мария поймала себя на мысли, что Сара здесь, в Поле Купине, была совсем другой, не такой, какой она встретила ее в Куршумлии.

Сара расправила плечи, будто бы помолодела и переоделась из толстой кофты в легкие брюки и шелковую блузку.

Платок снова был на голове, но теперь Сара повязала его иначе – не по-старушечьи, надвинув на лоб и затянув узлом под подбородком, – а на манер тюрбана, и это выглядело элегантно.

Теперь эта женщина уже не выглядела такой беспомощной, старой, потерянной и нуждающейся в помощи, как в момент их встречи. Мария подумала: будь тогда Сара такой, как сейчас, ей бы, возможно, даже не пришло в голову предложить подвезти ее.

«Может, отправляясь в город за покупками, она нарочно старается произвести такое впечатление?» – подумалось девушке. Но даже если и так, Мария в любом случае не внакладе.

– В какое время мы сможем завтра отправиться в Плачущий лес? – спросила она.

– Встанем, позавтракаем и пойдем. Я встаю не позже семи. Во сколько тебя разбудить?

– Как сама проснетесь, так и меня будите. Мне ведь еще в Белград ехать. Лучше пораньше все сделать.

– Конечно, ты права. Ни к чему откладывать.

Они вдвоем убирали со стола и мыли посуду – Сара отказывалась от помощи, но Мария настояла.

– Если хочешь, можешь посмотреть телевизор в гостиной, – предложила Сара. Мария отказалась:

– Я бы лучше прошлась, окрестности посмотрела.

– Ты их и завтра увидишь. Да и на что в деревне смотреть?

Люди, дома. Давай лучше попьем кофе на веранде. Или сок.

Вроде бы мягко сказала, с улыбкой, но Марии почудилось, что это не просто замечание или мысли вслух, а настоятельная рекомендация. Немного удивившись про себя, она не стала возражать.

Они просидели на веранде до темноты. В основном молчали, перекидываясь лишь дежурными фразами, но никакой неловкости Мария не испытывала. Общество этой женщины было ей на редкость приятно.

Когда дневная жара спала, сразу стало прохладно, как это обычно и бывает в горах. Было тихо, лишь время от времени раздавались голоса, кукарекали петухи, еще не отправившиеся в курятник, где-то мычала корова. Словом, деревенская идиллия. Мария думала: смогла бы она навсегда остаться в подобном месте, вдали от суеты и бешеного ритма большого города? В эту минуту ей казалось, что смогла бы, но, может статься, то было лишь влияние момента.

Почувствовав, что ее клонит в сон, Мария собралась к себе в комнату.

– У вас тут так хорошо спится. Воздух чистый, тишина.

– Пускай тебе приснится что-то хорошее, – с улыбкой пожелала Сара.

– По правде сказать, это вряд ли. Мне вообще не снятся сны.

– Неужели? – Интерес в голосе хозяйки был не просто вежливым, а вполне явственным.

– Да. Не помню ни одного своего сна. Я только в книгах читала, как людям что-то видится: сама просто ложусь, закрываю глаза и проваливаюсь куда-то. А поутру открываю глаза. Никаких приключений и полетов.

Прежде Мария даже немного переживала по этому поводу, ощущая некоторую неполноценность, но со временем привыкла. Такова, видно, ее природа. К тому же врач-невролог однажды объяснил ей, что сны она видит, просто не способна запомнить их. Без сновидений не обходится ни один человек: такова уж особенность мозга.

– Вероятно, ты видишь что-то очень необычное. То, чему твое сознание не может найти объяснения, поэтому и не дает тебе вспомнить, – задумчиво сказала Сара.

– Никогда не думала об этом в таком ключе, – удивленно проговорила Мария. – Может, это действительно блокировка.

– Ты путешествуешь, милая. Но бываешь в слишком необычных местах.

– А вы? Вы видите сны? – вдруг спросила Мария. – Просто вы говорите так, словно вам это близко.

– Бывает, и вижу. А иногда наработаюсь в саду и сплю как убитая.

Это прозвучало уклончиво, и Мария спросила себя, сколько еще загадок в этой женщине. Но разгадывать их не хотелось – хотелось спать.

Они пожелали друг другу доброй ночи, и скоро Мария,

приняв душ, уже лежала в кровати. Когда она выключила воду, ей показалось, что Сара негромко говорит с кем-то и в доме есть кто-то еще, кроме них двоих. Мария прислушалась и, кажется, услышала щелчок дверного замка. Если кто-то и приходил к Саре, то уже ушел. Или никого и вовсе не было. Да и какая разница?

Мария заснула быстро – с этим у нее никогда не было проблем. Но среди ночи она открыла глаза: послышался осторожный стук в дверь.

– Сара? Это вы?

Ей никто не ответил. Видимо, померещилось спросонья.

Она все же встала, решив сходить в туалет. Цифры, светившиеся на часах, показывали половину второго ночи. Мария вышла в коридор, убедившись, что он пуст. Дверь в спальню Сары была плотно закрыта.

Возвращаясь к себе, Мария услышала шуршание. Звук шел из ее комнаты: кто-то скребся, царапался. Мыши, наверное?

Она вошла и остановилась, пытаясь сообразить, с какой стороны доносится шорох, и почти сразу сообразила, что это за звук – кто-то трогал ставни. Перед тем, как лечь, Мария открыла окно, а ставни опустила, чтобы солнце, которое встает рано, не било в глаза.

– Кто там? – хотела спросить громко, а получилось шепотом: голос сел.

Глупый вопрос: за окном не было балкона, на котором мог

бы кто-то стоять. Так что это, видимо, какая-то птица.

«Птица?! Разве птицы скребутся по ночам к людям в окна?»

Так или иначе, нужно было выяснить, кто там.

Мария быстро пересекла комнату. Ставни в доме были деревянные, запирающиеся изнутри на замочек. Сквозь тонкие перекладины лился голубоватый лунный свет. Мария вспомнила, что сейчас полнолуние.

Девушка взялась за замочек. Скрежет прекратился, но она все равно собиралась узнать, что это было. Отперев замок, Мария толкнула ставни. Они распахнулись совершенно беззвучно, как в немом кино.

Полная луна казалась нарисованной: большая, похожая на внезапно открывшийся на безоблачном небе круглый глаз. Перед окном никого не было, и Мария решила, что скрежет ей всего лишь показался, и хотела уже пойти обратно в кровать, как взглянула вниз и застыла, потрясенная увиденным.

В саду, раскинув руки, в полной тиши кружилась женщина в длинном балахоне, похожем на саван. Она переходила от одного дерева к другому, изгибаясь всем телом. Шагов ее было не слышно: не шуршали под ногами листья и травы, не хрустели тонкие веточки.

Потом женщина остановилась, вытянулась в струнку, подняв руки над головой, и резко наклонилась к земле, коснувшись ее распущенными волосами. Нагнувшись, она в ту же секунду выпрямилась и снова наклонилась. И опять, и опять,

с невероятной скоростью! Смотреть на эти гимнастические упражнения было ничуть не смешно, а, наоборот, страшно. К тому же Мария понимала, что это не просто какая-то женщина, это Сара.

Рассудительная, здравомыслящая, исполненная достоинства пожилая дама.

Немолодая женщина, которой просто не под силу все эти выверты!

– Что происходит? – прошептала Мария и поморгала, точно надеясь прогнать это дикое видение.

Только оно не исчезло, к тому же Мария заметила то, чего не увидела поначалу. Сара находилась в саду не одна. Возле невысокого забора стояли, наблюдая за ней, другие люди, среди которых Мария узнала немого старика Александра. Их было много – человек двадцать, а то и больше, и все они были в таких же белых длиннополых одеяниях, как у Сары.

Никто не произносил ни звука – они просто молча стояли и смотрели. Ночную тишину по-прежнему ничто не нарушало.

В очередной раз распрямившись, Сара больше не стала наклоняться – вместо этого она взглянула на окно, возле которого стояла Мария. Старуха не могла разглядеть лицо девушки, да и ее саму тоже, и все же Мария была уверена, что Сара прекрасно ее видит.

В следующее мгновение женщина вскинула руку в жесте одновременно приветственном и указующем. Все остальные

люди в саду, как по команде, тоже подняли головы и уставились на Марию, словно зная, что она там. Их взгляды ползали по ее лицу, как омерзительные жуки.

Не в силах больше выносить этого, Мария отпрянула от окна. Потом, желая защититься от неведомой опасности, захлопнула ставни, стараясь не смотреть вниз, и защелкнула замок трясущимися руками.

«Надо закрыть окно и запереть дверь!» – промелькнуло в голове.

Но сделать этого она не успела. За спиной раздался тихий смех. Приглушенный, как будто тот, кто смеялся, зажимал себе рот руками, стараясь подавить безудержное веселье.

Это было последней каплей. Мария завопила со всей мочи, как не кричала, кажется, никогда в жизни, и…

И в следующую минуту обнаружила себя лежащей в кровати. В комнате было светло: давно уже взошло солнце.

Девушка тяжело дышала, пересохшее горло болело, будто она и вправду кричала. Майка, в которой она спала, была насквозь мокрой от пота. Судя по всему, Мария наконец-то, впервые в жизни, увидела сон – или, лучше сказать, вспомнила его поутру. Причем это сразу же оказался ночной кошмар. Если все сны таковы, то лучше никогда их не видеть, подумалось ей.

Раздался стук в дверь – четкий, хотя и осторожный. Против воли у Марии пробежал мороз по коже: в том сне все как раз началось со стука (который то ли был, то ли нет). Но

сейчас, конечно, бояться нечего.

– Мария, ты просила разбудить тебя пораньше, – проговорила Сара. – С добрым утром, милая. Надеюсь, ты хорошо выспалась.

Глава четвертая

Выехали сразу после завтрака, еще и половины девятого не было.

Проснувшись, Мария чувствовала себя разбитой: тело ломило, голова была тяжелая, боль уже начала легонько поклевывать затылок, поэтому она сочла за благо принять таблетку, чтобы не дать ей разгуляться.

Чашка кофе помогла немного улучшить самочувствие, и из дому Мария выходила уже во вполне сносном состоянии.

Они проехали мимо аккуратных домиков, не встретив на улице ни одного человека. Лишь возле одного из домов, там, где стояла крышка гроба, сидела на деревянной скамье женщина в черном платке.

– Во сколько похороны? – спросила Мария.

– Мы успеем вернуться. Тут всего несколько километров, я уже говорила тебе.

Они выехали за пределы Поле Купине и углубились в кукурузные поля. Растения были выше человеческого роста: тугие листья, толстые стебли, крупные початки. Мария не любила кукурузу, разве что попкорн могла поесть.

– Ты что-то притихла, погрустнела, – сказала Сара. – И ела плохо. Спала неважно?

«Типа того», – подумала Мария и ответила:

– Представляете, только вчера сказала вам, что не вижу

снов, и вот увидела на свою голову!

Сара, казалось, не слишком удивилась.

– Что же тебе привиделось?

– Вы.

– Неужели?

– Мне снилось, что кто-то постучал в дверь. Я встала, вышла посмотреть, но никого не было. А потом стали скрестись в окно. – Даже сейчас, при свете дня, ей было жутковато, когда она рассказывала об этом. – Я открыла окно и увидела в саду вас. Вы… – Она замялась. – Это было что-то вроде ритуального танца. Там были еще и другие люди. Ваш немой сосед, например.

– Что же они делали? Тоже плясали?

Мария отрицательно покачала головой. Кукурузные поля кончились, и дорога свернула в сторону леса – самого обычного, лиственного. Они углубились в него и теперь словно бы ехали по темному ущелью: было темно и прохладно, свет не проникал сквозь кроны деревьев.

– Остальные просто стояли и смотрели на вас. Кругом было тихо. И луна такая яркая. Потом вы увидели меня, и все остальные тоже подняли головы. – Марию передернуло. – Мне стало так страшно… Я шарахнулась назад, закрыла ставни, и позади меня кто-то засмеялся.

– И?..

– И все. Я проснулась в своей кровати.

Дорога постепенно становилась хуже, сужалась и петля-

ла между деревьями. Ехать приходилось медленно, машина неуклюже, словно утка, переваливалась на кочках.

– Необычный сон, – проговорила Сара. – Наверное, поездка в наши края, ночевка в незнакомом месте так на тебя повлияли. – Она улыбнулась: – А вообще даже забавно представить, как я кружусь посреди сада в белом балахоне!

Впереди показался просвет. Посреди леса обнаружилась просторная поляна.

– Дальше пойдем пешком. Там машина не проедет.

Они выбрались из автомобиля.

– Далеко до Плачущего леса?

– Нет, не волнуйся.

Вслед за Сарой Мария прошла вдоль обмелевшей речонки, перебралась через шаткий мостик. Они снова шли по лесу, и Мария удивилась, как здесь тихо. Ни птичьего щебета не слышно, ни жужжания или стрекота насекомых. «Совсем как в том сне», – подумала Мария, и вдруг ей на ум пришла недавняя фраза Сары.

– Откуда вы узнали, что люди в моем сне были в белых одеждах? Я вам этого не говорила!

– Разумеется, говорила, – не смутилась Сара. – А иначе откуда же мне об этом узнать? Залезть к тебе в голову я бы не сумела.

Последние слова прозвучали так, что Марии стало не по себе: вроде бы Сара сказала, что не сумела бы залезть к кому-то в голову, но произнесла фразу таким образом, будто

утверждала обратное.

Девушку охватило чувство нереальности происходящего. Захотелось бросить все, развернуться и бежать из этого места со всех ног. И пусть Сара остается тут («Зачем я вообще потащилась с ней в этот проклятый лес? Зачем мне понадобилось жалеть ее и подвозить до дому?»), а она бы села в машину и погнала прочь на полной скорости.

Но не успела эта мысль до конца оформиться, как Сара возвестила:

– Вот мы и на месте, милая. Это он, Плачущий лес.

Тропинка, по которой они шли, оборвалась. Теперь они стояли на опушке, а прямо перед ними располагалась неглубокая низина, ровная круглая площадка, со всех сторон окруженная лесом – обычным, таким, из которого они с Сарой только что вышли. На ее склонах не росла трава, и почва в той низине была не такая, как везде, красноватая, лысая – ни травинки, ни кустика.

Единственное, что росло там, – это деревья.

Никогда прежде Мария не видела ничего подобного, и сейчас не могла отвести глаз от открывшегося ей зрелища. Мысли о Саре, опасения и тревоги – все прочее вылетело у нее из головы, вытесненное ирреальностью того, на что она смотрела.

– Боже! – выдохнула Мария.

Описания Плачущего леса встречались ей несколько раз. В книге мифов, из которой она узнала об этом месте, Мария

даже видела рисунок, дающий представление о том, как оно должно выглядеть, и все же ожидания безнадежно проигрывали реальности. Ни в одном языке мира не найдется слов, которые помогли бы составить правдивое представление о Плачущем лесе и о той атмосфере, что здесь господствовала.

– Вот видишь, а ты ведь не до конца мне поверила, – с легкой усмешкой проговорила Сара. – Подумала, небось, что фантазирует старуха.

– Это просто невероятно, – пробормотала Мария, делая шаг к низине и собираясь спуститься с холма. – Почему никто не знает о том, что Плачущий лес – здесь? Как могло получиться, что это так долго оставалось тайной?

– Осторожнее, – предупредила Сара, но Мария не услышала ее слов, поглощенная видом Плачущего леса и тем несомненным фактом, что именно ей – неприметной журналистке-неудачнице! – выпала честь открыть его всему свету и стать звездой.

Деревья в Плачущем лесу были полностью лишены листьев. Только толстые стволы и поднятые к небу, словно руки в молитве, ветви. Деревьев было много – несколько сотен, а может, десятков сотен, сразу и не сообразишь. Они росли на разном расстоянии: некоторые стояли близко, переплетаясь ветвями, а иные – на отдалении друг от друга.

Одни стволы были толще, другие тоньше, но молодых, тоненьких не имелось вовсе, как будто все они появились, выросли примерно в одно время. Разом лишились листвы и ста-

ли… плакать.

Лес был Плачущим, и это не просто красивая метафора. По шершавым стволам сползали и застывали на солнце крупные капли смолы, только она была не янтарно-золотой, а ярко-алой, будто кровь. Деревья в этом лесу плакали кровавыми слезами.

Сухая, пережженная красновато-коричневая почва, бурые стволы, алые, словно коралловые бусины, капли, что сочились из глубины деревьев – и гулкая, оглушающая тишина.

«Здесь как в соборе», – подумала Мария. Она и предположить не могла, что когда-нибудь увидит, ощутит нечто подобное.

На секунду в голове промелькнуло, что если она объявит об этом месте, а СМИ раструбят, раззвонят о нем по всему миру, то от его непередаваемой атмосферы не останется и следа.

К Плачущему лесу съедутся толпы алчущих туристов, готовых платить деньги, чтобы поглазеть на чудо природы. Дельцы поставят здесь палатки и станут торговать сувенирами, фотографировать, тиражировать изображения деревьев. Храмовая тишина разобьется от звуков разноголосой речи. Появятся кафе и рестораны, чтобы люди, нагулявшись по лесу и наполнив впечатлениями головы, смогли потом наполнить пищей желудки.

Мария отбросила эти мысли и стала спускаться по склону холма, чтобы подойти поближе к деревьям. Ей хотелось

прикоснуться к ним и еще раз удостовериться, что они и в самом деле существуют, это не мираж, не игра воображения. Сара не пошла за ней, так и оставшись стоять на месте.

Склон был пологим, но идти оказалось трудно: почва под ногами осыпалась, в тапочки-балетки набивались мелкие камушки, и Мария пожалела, что не надела кроссовки.

Наконец она оказалась в низине, в паре шагов от первого дерева. Почва здесь была твердая, а красный оттенок сильнее бросался в глаза. Мария пригляделась и поняла, что это из-за алых капель «слез», которые падали на землю.

Девушка приблизилась к ближайшему дереву и протянула руку.

– Ты знаешь, по кому они плачут? – крикнула вдруг Сара с вершины склона.

Мария вздрогнула и отдернула руку.

– Что? – неуверенно улыбнулась она. – Легенда гласит… А почему вы спрашиваете?

– Они плачут по глупым людям, которые считают себя хозяевами жизни. По этому миру, полному боли. Не прикасайся к дереву, если не уверена, что сможешь это пережить.

«О чем она? – с досадой подумала Мария. – С чего ей пришло в голову нести этот пафосный бред?»

Не отвечая, она отвернулась от Сары и решительно коснулась древесной коры. Мир не перевернулся, небо не почернело, Мария не грохнулась в обморок. Не произошло вообще ничего. Да и что могло случиться?

На ощупь оно оказалось не таким, как высохшие, умирающие деревья: кора была как у живого зеленого дерева. Мария тронула пальцами затвердевшую каплю смолы – аккуратно, бережно, словно касалась открытой раны и боялась причинить боль. Капля была упругой, твердой и, кажется, более теплой, чем кора. По коже побежали мурашки: девушке на секунду показалось, что это настоящая кровь.

Движение она заметила краем глаза: что-то мелькнуло между деревьев в глубине леса. Мария обошла ствол и стала всматриваться в ту сторону, желая разглядеть получше, кто там может быть.

Сначала она решила, что ей просто показалось, никого там нет, но в то же мгновение снова увидела чью-то тень. Скорее, даже не тень, а всполох чего-то сине-желтого, резко контрастирующего с красками Плачущего леса. Судя по всему, там прятался человек. Или не прятался, а просто гулял. Или, если уж быть совсем точной, перебегал от дерева к дереву.

Мария растерянно оглянулась, ища взглядом Сару. С того места, где она стояла, женщины видно не было. «Да что я как ребенок? Неужто мне требуется ее разрешение или одобрение, чтобы просто пойти и взглянуть?»

Девушка двинулась вглубь леса – туда, где она заметила движение. Теперь деревья обступали ее со всех сторон, словно немые стражи, и, обернувшись, Мария подумала, что не вполне понимает, с какой стороны пришла, где стоит и ждет

Сара.

«Ничего страшного. Я просто позову ее и пойду на голос!»

Ей стало страшно. Плачущий лес был одновременно мертвым и живым. Марии чудилось, что деревья провожают ее взглядами и вздыхают, когда она проходит мимо. А в какой-то миг померещилось, что они («Нет, это полный бред!») перемещаются с места на место!

Вроде бы минуту назад она обходила вот это толстое, но невысокое дерево с кривой короткой веткой, похожей на клешню, и оно осталось позади, справа, а теперь опять стоит прямо перед ней.

Наверное, лучше вернуться, тем более человека, которого Мария заметила, стоя на краю Плачущего леса, теперь видно не было. Но стоило ей подумать об этом, как человек возник прямо перед ней – вышел из-за того самого дерева с уродливой веткой-клешней.

Мария ахнула и прижала руки ко рту. Она не могла видеть того, на что смотрела, никак не могла – и все же видела. В полуметре от нее стояла…

– Кукла? Малышка, как ты здесь очутилась?

На девочке было ее любимое платье – Мария подарила его дочери на день рождения. Небесно-синее, с широкими желтыми полосами и желтым воротничком. Нарядное, яркое.

Дочка смотрела на Марию немигающим взглядом.

– Ты поэтому меня бросила? Чтобы найти Плачущий лес? – спросила она.

Мария присела перед ней на колени и хотела взять девочку за руки, но та отстранилась, словно сердилась на мать.

– Солнышко, с чего ты взяла, что я тебя бросила? Разве тебе плохо с Миланой и Филипом? Я уехала всего на несколько дней. Совсем скоро я вернусь в Белград, и мы с тобой…

«Абсурд, абсурд! Этого не может быть! Она никак не может оказаться здесь! С кем я говорю?»

– Нет, – перебила ее девочка. – Не вернешься.

– Что ты такое говоришь? Что значит не… – начала было Мария, но слова застряли в горле.

Из глаз девочки потекли слезы – точно такие же, как у деревьев, которые их окружали. Кровавые струйки сбегали по щекам, капали на платье. Мария вскрикнула и бросилась к дочери, обняла ее, прижала к себе, стараясь успокоить.

Но что это? Почему детское тельце в ее руках такое… такое…

Мария отпрянула и, не удержав равновесия, повалилась на спину. Вместо дочери перед ней было очередное плачущее дерево.

«Кукла превратилась в него? Нет-нет, ее тут никогда и не было!» Мысли кружились бешеным хороводом. Бежать! Бежать отсюда как можно дальше! Наверное, здесь есть какие-то вредные испарения, потому деревья такие странные и не растет ничего. Отсюда и галлюцинации, и чудовищные видения.

Мария кое-как поднялась на ноги и, пошатываясь, броси-

лась прочь. Она мчалась, не разбирая дороги, стараясь не смотреть на деревья, окружавшие ее. Бежала, пока не поняла, что не знает, в какой стороне выход.

Девушка замедлила шаг, пытаясь сориентироваться. Понять, откуда она пришла, не получалось: она уже много раз сменила направление.

«Ничего, ничего, эта низина вроде бы не такая уж большая. Куда ни беги, все равно выйдешь на край Плачущего леса!»

Мысль была успокаивающая, но, по всей видимости, ошибочная. Мария снова побежала, на ходу призывая Сару. Но ответа не получила, а сам крик был таким, будто она кричала в подушку: приглушенным, слабым. Плачущий лес не кончался, просвет между деревьями становился все более узким. Голые ветки переплетались над головой Марии, словно сцепляясь пальцами, и теперь здесь было темно, как ночью.

«Что со мной? Где я?»

Все было похоже на сон, на тот самый кошмар, что приснился ей прошлой ночью.

Мария бежала до тех пор, пока деревья не встали перед ней сплошной стеной, так что протиснуться между ними было невозможно. Она оглянулась и увидела то же самое и сзади, и справа, и слева.

Она оказалась в ловушке – Плачущий лес поймал ее. Отказываясь сознавать это, Мария закрыла глаза.

«Только не плачь! – предупреждающе проговорил чей-то

строгий голос в ее голове. – Не смей, потому что плакать ты будешь кровью, а потом превратишься в одно из этих деревьев, и будешь стоять тут вечно, оплакивая свою глупость, жадность и спесивую уверенность в собственной непогрешимости, свою загубленную жизнь и бедную пр***о***клятую душу».

Но слезы все же потекли: Мария не могла сдержать их. Горячая влага бежала из глаз, и ей было страшно отнять руки от лица: она боялась увидеть, что они испачканы в крови.

– Ты никогда не вернешься домой! – произнес детский голос.

А потом раздался смех – немного сумасшедший, издевательский, торжествующий. Мария уже слышала его сегодня ночью.

Это смеялась Сара.

Злобная жестокая ведьма, заманившая Марию на верную гибель.

Часть вторая

Глава первая

Следовало признать, что они давно заблудились, больше кружить по округе смысла нет. В довершение всех бед сотовый в горах не ловил, Интернета не было, а навигатор печальным женским голосом твердил, что «потеряна связь со спутником».

– С чего бы она потерялась-то? – в сердцах воскликнул Игорь и шарахнул по рулю.

Кристина покосилась на его покрасневшее от жары и досады лицо, и ей вдруг стало смешно. Игорь был похож на мальчишку-школьника, который сердится на учительницу. Она подавила приступ неуместного веселья и поддакнула:

– На небе ни единой тучки, и мы не в тоннеле. Почему он не прокладывает маршрут?

Игорь пробурчал что-то и заглушил двигатель. Неширокая дорога в обе стороны была пустынна: спросить, в какой стороне Город Дьявола – Джаволя Варош – не у кого.

Утром они выехали из Ниша, и поначалу все шло хорошо. Навигатор послушно показывал дорогу, они ехали, слушали музыку, болтали. Отправились в путь пораньше, чтобы быть на месте до наступления жары, и уже к девяти проехали го-

род Прокупле.

Увидев симпатичное кафе под названием «Сунчана обала» – «Солнечный берег» – остановились отдохнуть и выпить кофе. Кристина съела мороженое, Игорь – питу с сыром. Он часто заказывал ее, пробовал в разных «пекарах» и ресторанах, но постоянно утверждал, что у Кристины пита получается лучше, чем у кого бы то ни было. Это, наверное, была неправда, но она каждый раз радовалась этой похвале. Кристину слишком редко хвалили, вот она и таяла, как пломбир, от любого доброго слова, хотя всячески старалась не показывать этого.

Из Прокупле путь лежал в Куршумлию. Точнее, в сам город они заезжать не собирались: Джаволя Варош был в двадцати семи километрах от него. Но когда Куршумлия осталась слева, стало происходить черт-те что.

В какой-то момент навигатор заявил, что они сошли с маршрута.

– Наверное, заболтались и пропустили нужный поворот, – предположил Игорь и развернул машину в ближайшем подходящем месте.

Вскоре они увидели какой-то поворот, Игорь решил, что это он и есть, и они съехали с трассы на проселок. Кристина попыталась было возразить: вряд ли дорога в столь активно посещаемое туристами место может оказаться заросшей и заброшенной, но Игорь сжал челюсти и сказал, что следует за навигатором.

Тон, каким он произнес эти слова, был холодным и жестким. Игорь редко говорил так, но все же иногда подобное проскальзывало, и в такие минуты Кристина внутренне ежилась и вспоминала, что, в сущности, плохо его знает.

Познакомились они меньше полугода назад. Роман закрутился быстро, отношения набирали темп с каждым днем: уже через пару недель Кристина представить себе не могла, как жила без Игоря. И спрашивала себя: разве это была жизнь? Так, существование. Через месяц они слетали в отпуск в Испанию, где Кристина давно мечтала побывать, а через два стали жить вместе, и это воспринималось так естественно, словно иначе и быть не могло.

Свадьба планировалась на осень, тогда же они собирались слетать в Нижний Новгород увидеться с родителями Игоря, с которыми она пока всего несколько раз говорила по скайпу. Кристина волновалась, понравится ли она будущим свекру и свекрови, ведь одно дело – приветливо улыбаться, махать друг другу и обмениваться любезностями, и совсем другое – встретиться лицом к лицу, общаться на протяжении многих часов.

Игоря она впервые увидела в Нише, где жила последние полтора года. Она сидела на лавочке в парке возле знаменитой башни черепов – Челе-Кулы, ждала, когда клиенты налюбуются достопримечательностью. А Игорь проходил мимо, но неожиданно остановился и заговорил с нею.

– Добрый день, милая девушка! Я заметил, что ваши спут-

ники пошли в часовню, а вы остались. Неужели вам не интересно?

Он неплохо говорил по-сербски, старался правильно строить фразы, но мягкий акцент безошибочно выдавал в нем русского.

– Я уже бывала там. Ничего нового не увижу. Да и вообще, это место наводит на меня жуть.

Кристина не лгала.

У башни черепов страшная история: в начале девятнадцатого века сербские повстанцы потерпели поражение в битве с войсками Османской империи. Хуршид-паша приказал отсечь головы погибшим сербам и доставить их в Ниш. Сюда же свезли и кожевников, которым было приказано ободрать с голов кожу. Тех, кто пытался отказаться, казнили.

Неподалеку от Нишской крепости, прямо на дороге, соорудили четырехугольную башню, с каждой стороны которой были вмурованы черепа погибших – четырнадцать рядов по семнадцать голов, всего девятьсот пятьдесят два черепа. Страшный памятник должен был служить предостережением тем, кто попытается восстать против Османской империи. К 1892-му году на разрушающейся башне осталось лишь пятьдесят восемь черепов. Поверх башни выстроили часовню, и сейчас это культурный памятник.

– Как-то дико ходить и глазеть на них. Ведь это были живые люди, они любили, радовались, страдали. Мне почему-то кажется, что это не мы на них смотрим, а они вгляды-

ваются в нас из Вечности.

Кристина говорила по-русски, и у Игоря отвисла челюсть.

– Вы русская? – спросил он. – Меня, кстати, Игорем зовут.

– Кристина. Нет, я сербка. Так уж вышло, что выучила. – Ей не хотелось вдаваться в подробности.

– Ничего, если я на «ты»? – Она кивнула. – Значит, ты сразу поняла, что я из России! А я-то все надеюсь, что хорошо говорю по-сербски!

Высокий светловолосый симпатичный парень огорчился так искренне, что Кристине стало его жаль.

– Конечно, хорошо! – великодушно проговорила она. – Просто акцент немножко чувствуется. Сербы произносят звуки тверже, артикулируют четче. А русские «глотают» отдельные буквы и окончания слов, немножко мямлят, «сюсюкают» и вдобавок часто неправильно расставляют слова в предложении.

– Похоже, ты в этом здорово разбираешься, – присвистнул Игорь.

– Я по профессии преподаватель словесности.

– Где ты преподаешь?

Она слегка помрачнела.

– Нигде. Пока занимаюсь семейным бизнесом.

– Ты экскурсовод?

– Не совсем. Извини, вон идут мои клиенты. Мне пора.

Игорь попросил ее телефон, и она неожиданно для себя продиктовала номер, хотя обычно никогда не знакомилась

на улице. Да и желающие редко находились: Кристина не могла похвастаться яркой внешностью и умением кокетничать, искрометно острить и заливисто смеяться в ответ на шутки.

– Что будем делать? – спросила она. Игорь молчал, глядя прямо перед собой.

Свернув с основной дороги, они еще несколько раз поворачивали куда-то, ехали то вверх, в горы, то в низину, пока навигатор не закапризничал. После Игорь попытался поехать обратно в то место, где они повернули, однако так и не нашел того поворота.

Сейчас они забрались высоко в горы, и Игорь понятия не имел, куда ехать дальше. Ситуацию осложняло то, что в баке заканчивался бензин, а запасной канистры не было. Заправки попадались на каждом шагу, но Игорь все медлил, говорил себе, что на следующей остановится обязательно, и вот дождался.

Заправок в этой глуши не было, горючего – практически тоже.

Правда, сейчас дорога была асфальтированная: они каким-то чудом выбрались на нее минут пятнадцать назад и сначала проехали в одну сторону, а потом, когда Игорю показалось (с чего бы?), будто направление неверное, развернулись и покатили назад.

Но теперь он снова не был ни в чем уверен, и если раньше

хорохорился и говорил, что примерно представляет, в какой стороне Куршумлия, то теперь перестал делать хорошую мину при плохой игре.

– Давай-ка выйдем, разомнемся, проветримся, – сказала Кристина и, не дожидаясь ответа, открыла дверцу и вылезла из машины.

Игорь последовал ее примеру, и они принялись бестолково прохаживаться возле автомобиля. Ни одной ценной мысли в голову не приходило.

Девушке больше не хотелось в Город Дьявола. Она устала кружить по горам, голова побаливала от духоты и жары, ноги затекли, одежда противно прилипала к телу.

Ей вообще не сильно хотелось в эти края. Город Дьявола – пугающее, мистическое место, как та же Челе-Кула. Любоваться на скорбные свидетельства чужой, вековой боли – что в этом хорошего? Другое дело – прекрасные соборы, древние монастыри, музеи, парки.

Конечно, Джаволя Варош – природный памятник, но легенды, которые окутывали это место, чересчур жуткие. Говорили, например, что каменные столбы – это остатки храма, разрушенного Дьяволом. Или окаменевшие люди, которых Дьявол лишил разума, заставив поженить родного брата и сестру. Бог не дал свершиться кровосмешению, и вся свадьба окаменела.

Оставалось утешать себя тем, что на территории Джаволя Варош есть крошечная церковь Святой Петки, чудодей-

ственное место. Считается, что если привязать у входа в храм белый платок, то все твои беды останутся тут, в Городе Дьявола. Местный священник каждую неделю собирает их и закапывает людское горе в землю. А еще Кристина хотела купить в церквушке камушек-оберег от болезней и несчастья.

А вот Игорь давно хотел поехать сюда и очень удивился, когда узнал, что Кристина всю жизнь прожила в Сербии, но так ни разу тут и не побывала.

– Я в Нише только в последнее время живу, а от Белграда до Джаволя Варош далековато, – отбивалась она.

– Надо, видимо, родиться сербом, чтобы всерьез думать, будто это далеко! – смеялся Игорь. – Сколько километров? Триста? Даже меньше! Да всю Сербию с севера на юг за день проехать можно, а с запада на восток – и полдня хватит.

В общем, собрались и поехали. А теперь вот заблудились, застряли. Не иначе как происки Дьявола!

– Все доезжают, одни мы, как… – Игорь взъерошил волосы и прислонился к капоту машины. Потом поглядел на Кристину и улыбнулся: – Ты, наверное, думаешь, зачем тебе такой муж-балбес.

Она улыбнулась, подошла к нему и поцеловала.

– Ты прав, уже начинаю сомневаться. Вдруг ты будешь каждый раз дорогу домой забывать?

Настроение, основательно испорченное неудачной поездкой, поднялось. Хотя Игорь с Кристиной так и не решили,

что делать, обстановка разрядилась. Они стояли и целовались посреди пустынной дороги, позабыв о том, что находятся у черта на куличках. Кристина подумала: какая же она счастливая, а ведь год назад в это же время ей казалось, что вся жизнь у нее наперекосяк, и ничего хорошего ждать не приходится.

Мужчину, что появился в пяти метрах от машины, они заметили не сразу. Только что никого не было, и вдруг он материализовался откуда ни возьмись, вместе с допотопным велосипедом.

– Смотри! – Кристина поспешно отошла от Игоря, увидев пожилого человека, что катил по дороге.

Игорь метнулся к нему, замахал руками, как будто останавливал автомобиль, ехавший на полной скорости.

– Добрый день! Простите, вы нам не поможете? – заговорил он на своем забавном, по вполне понятном сербском.

Мужчина – на вид ему было лет шестьдесят – остановился, слез с велосипеда, поздоровался в ответ.

– Заплутали? – сразу понял он. – Куда направляетесь?

Кристина подошла ближе.

– Здравствуйте. Мы ищем Джаволя Варош.

– Не там ищете. – Мужчина улыбнулся, снял бейсболку, пригладил короткие седые волосы и вернул головной убор на место. – Вам в другую сторону надо.

Он принялся довольно путано объяснять, как добраться до Города Дьявола. Услышав третье по счету «потом пово-

рачиваете налево», Кристина окончательно перестала понимать, куда им ехать. Игорь, видимо, тоже, если судить по механической улыбке и рассеянному взгляду.

– Извините, а заправки тут нет поблизости? – спросила она. – У нас еще и бензин на нуле.

– Эх, как же так! – Мужчина расстроенно поцокал языком. – В горы едете, а бак пустой. Нельзя так.

«Он решил, что мы полные идиоты», – подумала Кристина.

– Меня Радованом зовут. Можно Райко.

Кристина и Игорь представились в ответ.

Она знала, что при этом подумал Игорь: такое пышное имя Радован – и такое нелепое для русского уха сокращение! Кристина-то, конечно, не видела в этом ничего особенного. Хотя сербское сокращение своего собственного имени терпеть не могла и никому не позволяла звать себя Кикой. Допускала только Крис – на английский манер, но предпочитала полное имя.

– Знаете, что вам скажу… – Райко снова снял бейсболку и пригладил волосы. – Тут поблизости поселок, я там живу. Давайте заедем, отдохнете, пообедаете – у нас кафе есть, вкусно готовят. Спросим, может, кто-то вам бензин продаст.

Кристина и Игорь переглянулись, поняв друг друга без слов. Не похоже, чтобы у них был выбор.

– Спасибо, – после секундной паузы сказал Игорь. – Может, мы положим ваш велосипед в багажник, а вы с нами по-

едете?

– Нет, – замотал головой Радован. – Тут ехать пять километров, а велосипед мой не складывается и к вам в багажник не влезет.

Так они и двинулись: Радован – впереди, за ним – машина.

– Неплохой вариант, – примирительно сказала Кристина. – Не совсем так, как планировали, но потом будет, что рассказать.

– Хоть ежевики поедим, – кисло заметил Игорь. – Сто лет не пробовал.

Радован сказал, что поселок называется Поле Купине.

Ежевичная Поляна.

Глава вторая

Поселок оправдывал свое название: ежевичные кусты тянулись бесконечными рядами.

Примерно в двух километрах от Поле Купине, рядом с дорогой, располагалось «гроблье» – кладбище: гранитные и мраморные памятники, деревянные кресты.

Кристина увидела возле одной из могил женщину, сидящую на скамейке. Могила, похоже, была совсем свежая: коричневая, влажная на вид земля резко контрастировала по оттенку с серой, растрескавшейся от жары почвой.

Сам поселок был похож на многие другие поселки на Балканах: дома с красными черепичными крышами, веранды, увитые цветами, широкая асфальтированная дорога, пышные сады.

Дорога упиралась в небольшую площадь: кафе с вполне ожидаемым названием «Купина», пекарня «Пекара код Милича», пара лавочек, аптека, парикмахерская, а в центре – живописная клумба, вокруг которой стояли скамейки.

После площади дорога расходилась на короткие улочки, а дальше начинались кукурузные поля. «Небольшой поселок, – подумала Кристина, – не больше тридцати домов».

Радован слез с велосипеда напротив кафе. На тротуаре под зонтиками стояли два круглых столика, но желающих сидеть на улице под палящим полуденным солнцем не на-

шлось. Игорь припарковал автомобиль, и они с Кристиной вышли из машины на маленьком пятачке возле парикмахерской.

– Зайдите пока сюда. Проголодались, наверное, – сказал Радован, приглашая их в «Купину». – Я поспрашиваю насчет бензина.

Игорь горячо поблагодарил: он не уставал умиляться тому, что народ в Сербии отличается удивительной отзывчивостью.

Они вошли в маленькое, полутемное из-за опущенных ставен помещение. В глубине, перед столом, уставленным кофейными чашками, крошечными рюмками и какой-то выпечкой на большом круглом блюде, сидели четверо пожилых людей.

– Здравствуйте, молодые люди, – проговорил мужчина за стойкой. У него была пышная густая борода и старомодные бакенбарды. Судя по всему, он не ожидал увидеть кого-то, кроме односельчан. – Далеко же вы забрались! У нас тут гости большая редкость. Присаживайтесь вон туда. – Он указал пальцем на столик возле окна.

Поздоровавшись, Игорь и Кристина прошли к столику, уселись и принялись изучать меню. Цены были смешные, а при виде названий любимых блюд у девушки потекли слюнки.

Старички в углу о чем-то говорили вполголоса, время от времени бросая взгляды на новых посетителей. Кристина

улыбнулась одному из них, но тот сразу отвел глаза.

Хозяин заведения подошел к их столику, готовый принять заказ.

– Я, кстати, Филип, это мое кафе, – сказал он. – Мы с женой держим его уже тридцать лет. А как я могу обращаться к вам?

Кристина и Игорь назвали свои имена.

– Вы русский? – тут же спросил Филип.

– Да, но сейчас живу в Сербии. Работаю инженером в Нише, по контракту.

– Вы женаты? – последовал следующий вопрос, и Игорь, слегка обескураженный такой бесцеремонностью, ответил, что они собираются пожениться осенью.

– Как прекрасно! – провозгласил Филип и тут же без перехода поинтересовался:

– К нам-то какими судьбами?

– Ехали в Джаволя Варош, но сбились с пути, да еще и бензин почти кончился. Хорошо, хоть Радована встретили.

– Ай-ай-ай, вот незадача, – зацокал языком Филип, и Кристине вдруг почудилось в его голосе что-то, напоминающее злорадство.

Хотя этого, конечно, быть не могло.

– Что желаете покушать? – Хозяин взмахнул блокнотом, и Кристина впервые заметила, что у него на левой руке не хватает двух пальцев: мизинца и безымянного.

Игорь с энтузиазмом принялся перечислять желаемые

блюда: суп – «рибля чорба», чевапи с жареным картофелем, овощная нарезка и, конечно, пита. У Кристины аппетит почему-то пропал, но она подумала, что он может вернуться во время еды, поэтому заказала любимый греческий салат и плескавицу с домашней «лепиней» – лепешкой.

Филип поставил перед ними дымящийся кофе и объявил, что горячее будет через пятнадцать минут: они с женой живо все приготовят.

Игорь достал телефон, поводил им из стороны в сторону и даже поднял над головой, безуспешно пытаясь поймать сигнал.

– Не ловит, – констатировал он.

Кристина смотрела на закрытое ставнями окно, погрузившись в свои мысли. Было в Поле Купине что-то необычное, привлекшее ее внимание, но она не могла сообразить, что именно.

– Волнуешься? Не переживай, прорвемся. – Игорь по-своему истолковал ее молчание. – Зальем бензин, узнаем дорогу…

Внезапно Кристину осенило.

– Слушай, ты заметил, что здесь нет школы? – воскликнула она, снова переходя на русский.

Они говорили между собой то на одном языке, то на другом. Когда были наедине, чаще говорили по-русски, на людях – на сербском.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.